

ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ

О ПЕРЕПИСЫВАНИИ НАРОДОВ, ИЛИ ДЕКОНСТРУКЦИЯ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ

В.А. Тишков

Валерий Александрович Тишков | <https://orcid.org/0000-0001-5479-9039> | valerytishkov@mail.ru | д. и. н., профессор, академик РАН, научный руководитель | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

конструктивизм vs примордиализм, переписи населения, национальность, этничность, множественная идентичность, Россия, Великобритания, Канада, Польша

Аннотация

С позиции социального конструктивизма рассмотрен современный опыт проведения переписей населения в мире, а также итоги переписи 2020–2021 гг. в России. Предлагаются принципы проведения переписей в части фиксации этничности (национальности) и языка, отмечены проблемы с так наз. списком народов России и сделаны предложения по учету этнического состава населения, а также внесены некоторые теоретические новации в понимание феномена этничности.

Речь в моей статье пойдет о важной процедуре, которая определяет процесс установления (наличия) этнического многообразия и служит основой для оформления этого многообразия в группы-общности, называемые в разные эпохи и в разных обществах по-разному (в России, как правило, это “народы”). Я говорю о переписях населения, которые, если не считать Иосифа с Марией, 2000 лет тому назад шедших на перепись в Вифлеем, и “ревизские сказки” XVIII в. в Российской империи, в их регулярном и всеохватном формате проводятся в мире с конца XIX в. (в некоторых странах – с середины века и даже раньше). В настоящее время не менее 150 государств организуют всеобщие переписи, и во многих из них фиксируется этнический и расовый состав и реже – конфессиональный.

Как правило, специалисты и управленцы считают всеобщие переписи населения надежным поставщиком знания о населении стран мира, называя их зачастую “зеркалом общества”. Однако, как пишет Е.А. Варшавер,

Статья поступила 19.03.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 20.06.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Тишков В.А. О переписывании народов, или деконструкция переписей населения // Этнографическое обозрение. 2023. № 4. С. 183–211. <https://doi.org/10.31857/S0869541523040085> EDN: HJKIZH

Tishkov, V.A. 2023. Counting the Peoples or Deconstructing Population Censuses [O perepisyvanií narodov, ili dekonstruktsiia perepisei naseleniia]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 183–211. <https://doi.org/10.31857/S0869541523040085> EDN: HJKIZH

в последние десятилетия, однако, этот взгляд – под влиянием разных, прежде всего социологических, традиций, – был пересмотрен, и перепись стала рассматриваться как способ воображения государствами объекта управления... а также признаваться в большей степени ареной политической борьбы, нежели объективным инструментом отображения реальности... При таком подходе особая роль отводится категориям, призванным описать этническое разнообразие. Это связано с особым онтологическим и эпистемологическим статусом этничности *per se*, которая, как следует из установившегося конструктивистского консенсуса... считается высококонтекстным явлением и, почти универсально регулируя отношения между людьми, делает это всякий раз посредством разного набора исторически сложившихся категорий (Варшавер 2022: 201–202)¹.

Тезис об этничности как универсальном регуляторе человеческих отношений я считаю явным преувеличением, однако могу согласиться с тем, что перепись, точнее – ее организаторы и экспертные сопроводители, выступают конструкторами этнических категорий, через которые “этническая реальность оживает”. В свое время это убедительно показала американский антрополог Фрэнсис Хирш на материалах ранних советских переписей и этнографического картографирования (Hirsch 2005; Хирш 2022), а Е.И. Филиппова совместно с Домиником Арелем и Кэтрин Гусеф выявили инструменталистскую подоплеку первой постсоветской переписи населения 2002 г. (Филиппова и др. 2003). По материалам последней переписи Е.А. Варшавер провел полевое исследование в Дагестане и сделал ряд важных наблюдений касательно процедуры опросов, роли традиции патрилинейности и шире – *десцетного фактора* (генеалогический, линейный принцип происхождения) в поведении людей в ходе взаимодействия переписчиков с переписываемыми. Несмотря на то, что выяснить полную картину дагестанских хитросплетений в определении этнической номенклатуры в этой республике очень непросто, вывод исследования заслуживает внимания:

С одной стороны, статус и прагматика этнических категорий в современном Дагестане далеко не очевидны, с другой – слабо осмысленной для всех участников является и перепись, притом что она оказывается одной из важных форм воспроизводства этничности... Несмотря на все это, правила, согласно которым этничность и ее атрибуты определяются применительно к отдельным индивидам, четкие и универсальные: национальность передается по отцу и никогда – по матери. Жесткость этих правил и их содержание позволяют предположить, что советская классификация национальностей, пришедшая в Дагестан с советской властью, была интерпретирована местным населением через призму отживавших свое тухумов. Это, в свою очередь, позволяет поднять вопрос о корнях современных форм существования этничности и посмотреть на этничность в более широком историческом ключе через призму конструктивистских теорий, предполагающих, что этничность отличается от прочих социальных классификаций особое правило членства в этнических категориях (Варшавер 2022: 217).

К вопросу о доработке концепции этничности мы обратимся в конце статьи в контексте того, как конструктивизм помогает понимать примордиальные корни этничности (см. также: Тишков 2023).

Этничность как процесс и как процедура

Вот как выглядит карта мира с отмеченными на ней странами, где в переписях населения собираются сведения об этничности². Глядя на эту карту (Рис. 1), можно подумать, что этнос – это глобальное явление и в каждом ближнем и дальнем уголке мира имеется та самая первичная единица социальной организации человечества, которая, если верить университетскому учебнику “Этнология” (под ред. В.В. Пименова), возводит дома, мосты, устраивает войны и все остальное, что творится в нашем мире. Вот как данный учебник излагает эти взгляды:

можно сказать определенно, что категория этничности (этнической группы) носит сложный характер, частично или полностью в ряде ситуаций сливаясь с расовой принадлежностью или с национальностью, трактуемой чаще всего как страновая, гражданская принадлежность.

Но нас интересует и другая форма сложности, а именно – сложность в пределах самой этничности, понимаемой как отличительность по культурно-языковым и идентификационным характеристикам. При этом не следует путать с тривиальной “многонациональностью”, т.е. наличием многих этнических сообществ в рамках одного социополитического пространства. Я имею в виду сложность другого свойства: когда личностное самосознание включает в себя лояльность и чувство принадлежности к двум или нескольким культурным традициям и сообществам. Эта двойственность этнического самосознания может быть как “горизонтальной” (напр., по двум разноэтничным родителям), так и “вертикальной” (напр., по большой группе/культуре и по малой как части большой группы/культуры).

Понимание этничности в более широком мировом контексте чаще всего характеризуется отсылкой к своего рода отличительной первооснове, а именно – к “принадлежности” или к “происхождению”. Известные всем *ethnic belonging* и *ethnic origin* присутствуют повсеместно в статистических обследованиях еще до того, как по их итогам появляются *ethnic groups*: последние как бы конструируются из первого, что важно для понимания того, как осуществляется процедура этнических группировок.

Ведь если во время переписи спросить человека очень просто: к какой этнической группе он принадлежит, то десятки и сотни разбросанных и никак между собой не связанных представителей некоторых национальностей ни в какую группу не входят, никаких связей не поддерживают и не знают в лицо друг друга, и по этой причине ни к какой группе не принадлежат! Таких случайно обнаруженных в переписи и никак не актуализированных собственным поведением *условных сообществ* в российской переписи многие десятки. Группой, а значит, и “народом России” они становятся после обнародования списка этнических категорий, которые уже после и почти обязательно трактуются как “народы”. Для примера назову численностью по полтора десятка аджарцев, мегрелов, ингилойцев, сванов, лазов, грузинских евреев, которые в российской переписи числятся как отдельные “народы”. Может быть, это делается, чтобы досадить властям Грузии, где все эти идентичности считаются грузинами, или, возможно, просто по инерции прошлых этнографических разработок. К этому списку можно добавить уже недавно появившихся боснийцев (100 чел.), македонцев (155 чел.), черногорцев (85 чел.), которые в последней переписи дополнили “список народов”, доведя его уже до 200! Это, кстати, и есть один из примеров проявления социального конструктивизма в сфере этнической политики. О других проявлениях, а точнее – объяснениях изучаемого феномена с позиций данного методологического подхода, будет сказано ниже.

Форма “принадлежности” появилась в российской переписи с 2002 г., когда по моей рекомендации вопрос “Ваша национальность?” был изменен на “Ваша национальная принадлежность?”. Однако мое предложение было несколько иным: в 2002 г. вопрос должен был сформулироваться так: “Ваша национальная (этническая) принадлежность?”, а через 10 лет, при следующей переписи, так: “Ваша этническая (национальная) принадлежность?” (т.е. слова менялись местами). После такого “обучения” через 20 лет можно было бы опробовать и более прямой вопрос об этничности с возможностью сложного ответа в том числе. Это позволило бы отделить данный вопрос от вопроса о гражданстве, т.е. национальности (*nationality*) в смысле страновой принадлежности, как это

принято в мире и как привыкли это понимать многие россияне, заполняющие визовые анкеты для зарубежных поездок.

После переписи 2021–2022 гг. возникли сомнения и по поводу нынешней формулировки в российской переписи. Причина: якобы непонимание частью переписываемых самого слова “принадлежность”, которое могло трактоваться переписываемыми как чисто этнографическая отсылка к культурной традиции или даже к стране. Вот что пишет по этому поводу В.В. Степанов:

Перепись 2020/21 показала, что респондентов вводит в заблуждение не слово “национальная”, а слово “принадлежность”... В переписи 2002 г., как и последующей 2010 г., а также в микропереписи 2015 г., переписчики имели возможность пояснять опрашиваемым, что это вопрос о вашей национальности. А при переписи 2020/21 переписчик во многих случаях отсутствовал, и часть респондентов восприняла вопрос о национальной принадлежности, как необходимость сообщить сведения о неких национальных “принадлестностях”. По этой причине в своих переписных листах люди перечисляли “принадлестности” – блюда национальной кухни, традиционные костюмы, наряды, сувениры, упоминали государственные и культурные символы страны и своего региона, природные объекты, народные и религиозные праздники (напр., “навруз”, “курбан байрам”). Некоторые заявляли, что национальная принадлежность – это “русская литература”, “русская музыка”, “русский хор”, “русская земля”, “русская зима”, “русская душа”. Были и такие, кто сказал, что это “русские инновации”. Другие респонденты восприняли слово “принадлежность”, как требование указать личную причастность к государству. Некоторые респонденты полагали необходимым сообщить свою «принадлежность» к адресу места жительства или рождения. Немалое количество жителей центральных российских регионов, указавших в качестве своего родного языка русский язык, явно обладающих также и русской самоидентификацией, ее не указали, а в своих переписных листах обозначили, что “принадлежат России”³.

Степанов и некоторые другие эксперты делают из данной коллизии, на мой взгляд, неправильный вывод о необходимости вернуть старую формулу “Ваша национальность?”, считая, что население страны вполне адекватно понимает под этим именно этническую принадлежность, а не что-то другое. Это большая ошибка – призывать вернуться к прошлой трактовке категории “национальное” как заместителя “этнического” вместо движения в сторону этничности и разведения последней с национальным или хотя бы его равнозначным употреблением. Идя навстречу привычному, вполне возможно сочетание или сопряжение двух категорий в публичном и научном языке, что и предусматривала моя формулировка. Кстати, можно привести и некоторые мировые примеры на эту тему. Так, например, название одной из известных деклараций ООН сформулировано следующим образом: “О правах личностей, принадлежащих к национальным (этническим), расовым, религиозным и языковым меньшинствам”. В случае формулировок в переписи в стране, в которой уживаются и даже перемешиваются этническое и национальное, предпочитают делать подсказки для переписываемых: “Ваша принадлежность к национальной группе (не путать с гражданством)”. Так, например, записано в вопроснике переписи населения Польши.

Вопрос о множественной этничности в российском контексте требует своего осмысления, особенно в варианте “происхождение” в его не единичном числе, позволяющем перечислять два, три и даже более “этнических корней”, как это позволяют переписи некоторых других стран. В России этот вопрос возник только при проведении последней переписи, ибо Росстат под давлением этнологов и международных рекомендаций впервые предоставил возможность записать вторую национальность, но только в той же строке ответа и через запятую. При этом никаких разъяснений сделано не было, а при переписи по интернету, да еще и с помощью гаджета, добраться до этой самой подсказки вообще не было возможности. Но даже и в этом случае Росстат поступил довольно жесто-

ко: вообще не стал подсчитывать “вторую национальность”, сочтя это вместе с чиновниками из ФАДН недопустимой инновацией со стороны ученых, которые подвергают сомнению священную корову под именем “этнос”. Как считают ортодоксы, каждый человек является носителем этноса (*этнофором*), а те, у кого с этим есть трудности, являются маргиналами и даже манкуртами (метафора советского писателя Чингиза Айтматова).

Прежде чем перейти к анализу опыта “переписывания народов” в интересующем нас аспекте этнической множественности и этнического дрейфа, напомним о нынешних международных стандартах, сформулированных в рекомендациях ООН по проведению переписей населения. Вот как выглядит эта часть документа под названием “Принципы и рекомендации для переписей населения и домохозяйств. 3-я ревизия”:

4.4. Этнокультурные характеристики.

4.172. Страны с культурно сложным населением могут пожелать собирать информацию об этнической идентичности (или составе) населения, материнском языке, владении и пользовании языками, о религиозных сообществах и деноминациях. Это все характеристики, которые позволяют людям гибкость в выражении их этнокультурных идентичностей по их собственному усмотрению. Сведения о таких этнокультурных характеристиках населения наиболее значимы для стран в контексте проблем миграции, интеграции и политики в отношении меньшинств.

4.173. Этнокультурные характеристики в целом носят субъективный характер, поскольку зачастую не существует общего подхода в отношении того, какие именно характеристики и какова их концепция в той или иной переписи. Более того, разные страны используют разные концепции. Этнокультурные характеристики могут также быть политически чувствительными и могут касаться крайне малочисленных, но тем не менее отличительных подгрупп населения. Поэтому свободная и открытая декларация респондентов имеет важное значение. Члены определенных групп меньшинств могут быть в уязвимом положении в части дискриминации по причине этнической или религиозной принадлежности. Поэтому требуются особое внимание и особые переписные процедуры относительно этнической группы и религии с целью показать респондентам, что обеспечены необходимая защита данных и контроль за их обнародованием. В некоторых случаях страны даже могут собирать эти данные на добровольной основе, если это позволяет национальное законодательство.

<...>

4.184. При широком ее понимании, этничность основывается на общем понимании исторических и территориальных корней (региональных или национальных) этнической группы или общности, а также на особых культурных характеристиках, таких как язык или религия. Восприятие респондентами или их представления об этничности, знание их семейных корней и числа поколений, проживающих в стране, длительность пребывания после иммиграции, – все эти факторы могут влиять на ответы об этничности во время переписи. *Этничность – многоаспектный феномен, это больше процесс, чем статическая концепция, и по этой причине этническую классификацию следует трактовать с учетом подвижности ее границ* (курсив мой. – В.Т.).

4.185. Этничность может измеряться на основе разных концептов, включая этническое наследие или происхождение, этническая идентичность, культурные корни, национальность, раса, цвет кожи, статус меньшинства, племя, язык, религия или в комбинации разных концептов. <...> Метод и формат используемого для измерения этничности переписного вопроса могут оказывать влияние на выбор респондентом ответа относительно этнического бэкграунда и настоящей этнической идентификации. Субъективная природа самого термина (не говоря уже о растущем числе смешанных браков среди разных этнических групп в некоторых странах) требует, чтобы информация об этничности реализовывалась через самоидентификацию респондента, а также позволяла респонденту возможность указывать множественную этническую идентификацию (курсив мой. – В.Т.). Сведения об этничности не должны основываться на стране гражданства или стране рождения. Классификация этнических групп также требует учет ясно выраженных этнических групп, самоопределяющихся групп, региональных и локальных групп, а также групп, которые обычно не считаются этническими группами, такие, как религиозные группы или группы на основе национальности.

4.186. Респонденты, если они того пожелают, должны быть свободны в указании более чем одной этнической принадлежности. Странам следует разъяснять в перепис-

ных инструкциях и в переписной документации, каким образом следует сообщать об этничности детей в смешанных семьях (например, содержать ясные инструкции, позволяющие респондентам записывать множественные ответы или позволять ответы типа “Biracial”). Также должна быть гарантия для свободного самовыражения этничности и респондентам предоставлена возможность отвечать “Нет” или “Не сообщаю”.

4.187. Поскольку этнокультурный состав населения страны может сильно разниться от страны к стране и по причине разных подходов и разных критериев по определению этничности, признано, что не существует единого определения или классификации, которая может быть рекомендована для использования всеми странами. Однако странам следует устанавливать базовые критерии и классификационные процедуры относительно этничности и информировать потребителей сведений о принципах, на которых основывается перепись (Principles 2017: 203–205).

Из всех внешних “агентов влияния”, на мой взгляд, Организация объединенных наций в данном вопросе остается вполне авторитетным международным институтом, мнение которого должно учитываться.

Зарубежный опыт изучения и переписывания множественности

Этот опыт достаточно богатый и активно обсуждаемый среди антропологов и статистиков (Kertzer, Arrel 2001; Alonso, Starr 1987; Blum, Gousseff 1997; Caballero et al. 2008; Chandra 2006). Появились первые публикации на данную тему и в отечественной науке (Тишков, Кисриев 2007; Варшавер 2022; Бубликов, Ткачев 2022). Для нас может представлять интерес опыт стран, переписные традиции и трактовка этничности в которых во многом соотносятся с советским/российским опытом. Возьмем для примера Польшу, которая выглядит в обычном восприятии как моноэтническое государство, – однако на самом деле в этой стране проживают этнические меньшинства, составляя около 6% населения. Антимиграционная политика и польский этнонационализм не дают особых оснований для изменения этнического состава в ближайшей исторической перспективе. Однако важно то, что в переписи 2011 г. вопрос об этничности (национальности) позволял дать один или два ответа. Вопрос был сформулирован следующим образом: “Какова ваша национальность в понимании как национальная или этническая принадлежность (не путать с гражданством)?” Здесь же приводился список наиболее распространенных в стране национальностей (14), а под номером 15 можно было записать любую другую. Далее следовал вопрос: «Вы ощущаете свою принадлежность также к какой-либо другой нации или этнической группе? Если “да”, то укажите». И вот что получилось (см. Табл. 1).

Таблица 1
**Этнический состав населения Польши по переписи 2011 г.
с возможностью дать один или два ответа о национальности**

Националь- ность	Числен- ность всех ответов (тыс. чел.)	В том числе указавших первую нацио- нальность (тыс. чел.)	В том числе указавших как един- ственную националь- ность (тыс. чел.)	Доля всех ответов (%)	Доля указавших первую нацио- нальность (%)	Доля указавших как един- ственную нацио- нальность (%)	Разница с 2002 г. (тыс. чел.)
Поляки	36085	36007	35251	93,72	93,52%	91,56%	↓899
Силезцы	809	418	362	2,10	1,09	0,94	↑636
Кашубы	228	17	16	0,59	0,04	0,04	↑223

Немцы	109	49	26	0,28	0,13	0,07	↓44
Украинцы	48	36	26	0,12	0,09	0,07	↑17
Белорусы	47	37	31	0,12	0,10	0,08	↓2
Цыгане	16	12	9	0,04	0,03	0,02	↑3
Русские	13	8	5	0,03	0,02	0,01	↑7
Американцы	11	1	1	0,03	0,003	0,003	↑9
Лемки	10	7	5	0,03	0,02	0,02	↑4
Англичане	10	2	1	0,03	0,01	0,003	↑9
Другие	87	45	34	0,23	0,12	0,09	
Не определена	1862	1862	—	4,84	4,84	—	↑1087
Всего	38501	38501	38501	100	100	100	↑271

О чем говорят эти данные? На наш взгляд, они мало что дают, кроме открытия *кашубов* – “скрытого” меньшинства, которых в сочетании с другими оказалось 228 тыс. по сравнению с 33 тыс. в случае, если бы фиксировался единственный вариант. Однако важен сам факт, что страна с населением 38,5 млн освоила фиксацию множественной этнической идентификации.

Аналогичный подход стала использовать Венгрия. Там 34-й вопрос опросника формулировался так: “К какой национальности вы ощущаете свою принадлежность?” Далее следовал список из 18 основных групп, распространенных в этой стране (включая самих венгров), с возможностью записать и другую национальность. А следующий (35-й) вопрос гласил: “Если Вы думаете, что принадлежите к другой национальности в дополнение к отмеченным другим, тогда укажите”. Следовал тот же самый список из 18 групп, включая венгров, а также возможность указать и другую национальность.

Переписной вопросник Чешской Республики содержит вопросы: “Какой ваш материнский язык? Вы можете указать два языка”; “Этническая информация не обязательна. Вы можете указать две этничности”. Таким образом, в Польше, Чехии и Венгрии во время переписи ныне фиксируется множественная этническая (национальная) принадлежность. По этому пути пошли или планируют пойти и ряд постсоветских государств. Здесь, конечно, сказывается воздействие опыта западных стран и рекомендации ООН, но и для тамошних коллег-этнологов феномен множественной идентичности не кажется из ряда запредельных для понимания и использования, хотя, конечно, советская традиция трактовки этничности обладает сильной инерцией.

Обратимся более подробно к переписному опыту крупных полиэтнических государств мира, которые не только фиксируют этничность, но и делают это согласно новым подходам в понимании самого феномена и рекомендациям международных статистических институтов. Из опыта западных стран наиболее апробированными по части множественной расы (*multiple race*) и смешанной этничности (*mixed ethnicity*) выглядят переписи населения США, где уже три раунда переписей прошли по новым методикам фиксации, подсчета и интерпретации данных. Однако, чтобы не ассоциировать себя с противоречивым американским опытом, мы возьмем примеры других двух стран: Великобритании и Канады.

Опыт Англии и Уэльса. Как известно, Соединенное Королевство Англии, Шотландии и Северной Ирландии является одним из старейших государств мира, основное население которого имеет автохтонное происхождение, обладает большой историко-региональной и этнокультурной спецификой. Эта специфика существенно усложнилась за последние полвека в результате массовой

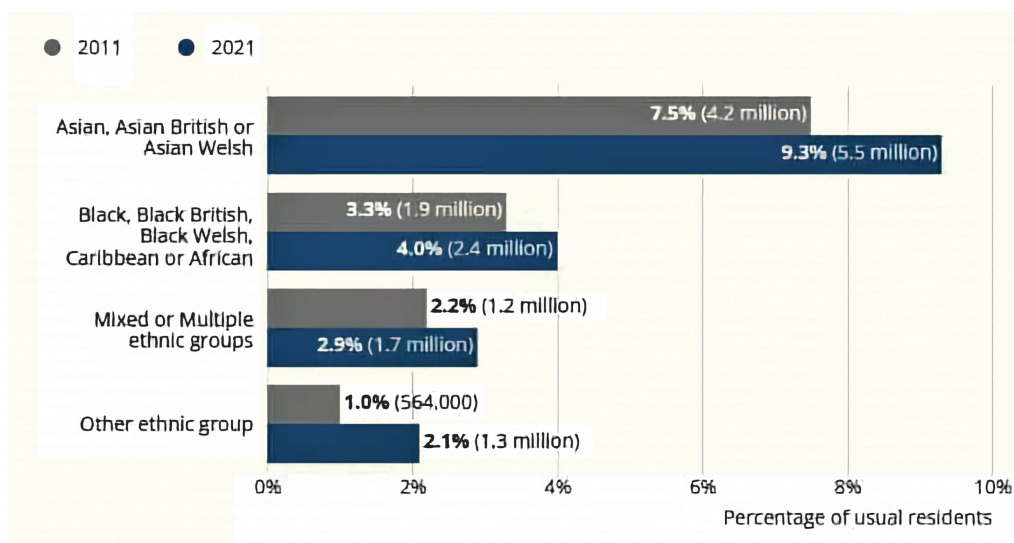

Рис. 2. Распределение населения Англии и Уэльса по укрупненным этническим группам (переписи 2011 и 2021 гг.).
Источник: Office for National Statistics (<https://www.ons.gov.uk/census>)

иммиграции на Британские острова людей из бывших британских колоний и других стран. Даже перепись в этой стране проходит раздельно и в разные сроки в Англии и Уэльсе, в Северной Ирландии и в Шотландии. Нам доступны данные прошедшей в 2021 г. английской переписи (в Северной Ирландии перепись прошла отдельно – в 2021 г., в Шотландии – в 2022 г.). Общий рост населения Великобритании с 2011 г. составляет 6,3% (почти 60 млн человек), а всего там проживает около 68 млн человек. Перепись фиксирует укрупненные этно-расовые группы (“белые”, “азиаты”, “черные”) с вопросами детализирующего характера, без жесткого разграничения этнической, страновой, региональной принадлежностей. И вот что получается в итоге. К категории “белые” отнесли себя 48,7 млн (81,7%) по сравнению с 86% в предыдущей переписи 2011 г. Из них 44,4 млн (74,4%) идентифицировали себя как англичане, уэльсцы, шотландцы, североирландцы или просто британцы (в 2001 таких было 87,5% и в 2011 – 80,5%). В 2021 г. 5,5 млн (9,3%) отнесли себя к азиатам, британским азиатам, азиатским уэльсцам (в 2011 г. их было 7,5%). 3,7 млн (6,2%) идентифицировали себя как “другие белые” (в 2011 г. таких было 4,4%) (Рис. 2).

По сравнению с 2011 г. в четыре раза снизилось число тех, кто определяет себя как *англичане* (English), и в три раза увеличилось число тех, кто определяет себя как *британцы* (British) (они составляют 55%), и в два раза увеличилось число тех, кто принимает обе идентичности. Этот результат оказался довольно неожиданным не только для жителей страны, но и для специалистов. В своей последней книге о национальной идее в России я вслед за российскими коллегами-британистами (М.А. Липкин, Д.Н. Караваева, Л.К. Мамедова) описал сложную динамику дихотомии “британскость versus английскость” и занял в итоге нейтральную позицию в определении преимущественной тенденции в ситуации, как английская (этническая) идентичность противостоит и не сдает свои позиции имперской по своей сути страновой британскости (Тишков 2021: 84–106). Но результаты переписи 2021 г. самым определенным образом (еще одно из проявлений конструктивистской природы этнополитики!) отразили не

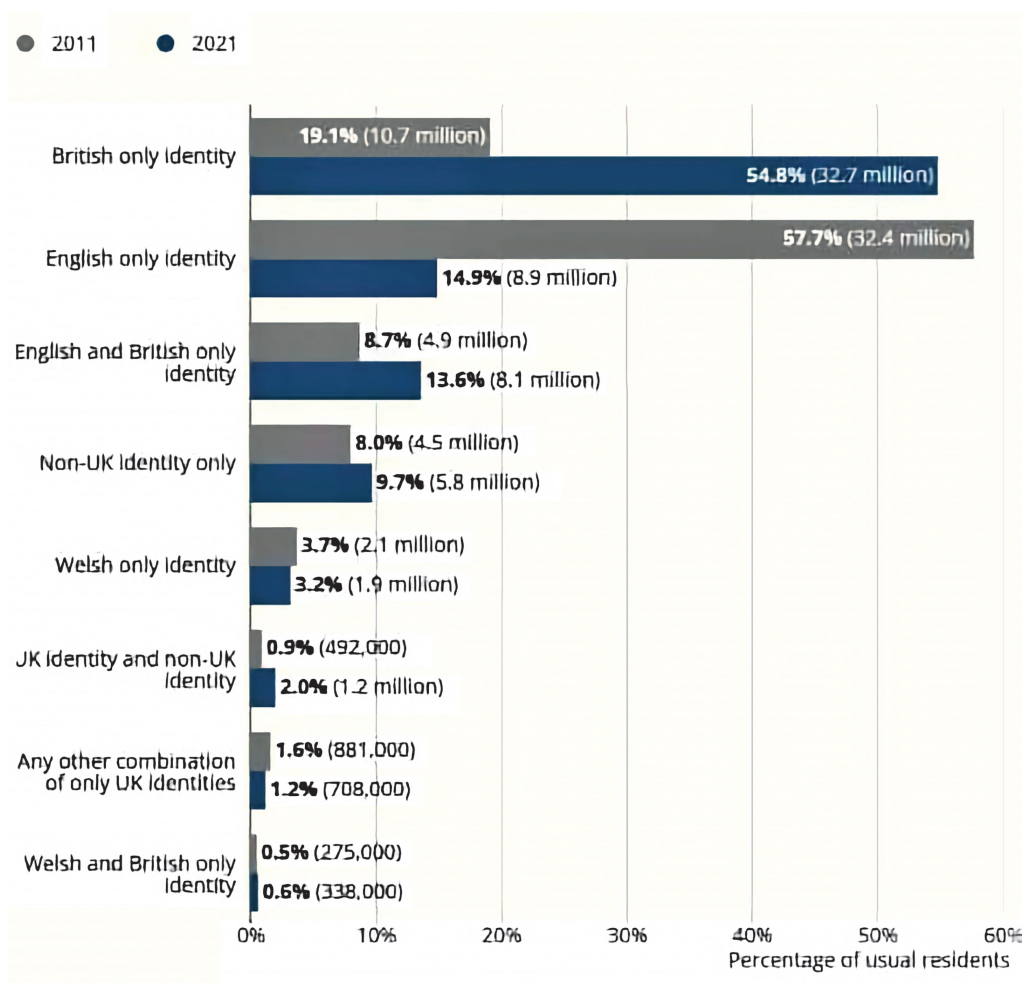

Рис. 3. Национальные идентичности населения Англии и Уэльса (переписи 2011 и 2021 гг.). Источник: Office for National Statistics (<https://www.ons.gov.uk/census>)

только миграционные сдвиги и внутренние демографические процессы, но и мобилизацию со стороны политического класса и СМИ, которые пугали население ростом “английского национализма” и агитировали за общестровную самость в процессе выхода из Европейского союза.

Это поучительные данные о сложных идентификациях, особенно о соотношении британскости и английскости, прямо напоминающие отечественную дихотономию “российский и русский”. Многое нам подсказывает, что в России все больше жителей страны будут определять себя как “россияне”, и нынешние 1,2 млн человек (по моим данным, таковых в первичных материалах опроса было значительно больше) – *это только начало роста приоритета общероссийской гражданской идентичности, которую уже ныне многие считают именно своей национальной идентичностью.* Однако с учетом российской традиции более подходящей и полнее отражающей самосознание может быть смешанная форма в виде “российский татарин”, “россиянин и мордвин”, “русский россиянин” и т.п.

Но, конечно, останутся в подавляющем большинстве на обозримую перспективу и те, кто определяет себя единично как *русский, татарин, чуваш* и т.д. Если присмотреться к Рис. 3 на предмет возможного сравнения, в России могут появиться также варианты смешанной этнорегиональной идентичности: например, “дагестанец и аварец”, “лезгин и дагестанец”, уступая, конечно, обычным идентификациям: *аварец, лезгин* и т.п. Только время, общая ситуация и верхушечные или низовые предписания могут оказать влияние на будущую идентификационную динамику российского народа. Но эти изменения происходят не так скоро, и их направление может тормозиться контртенденциями или бюрократическими махинациями.

Канадские варианты. Канада – одно из наиболее полиэтнических государств мира, сложившееся на переселенческой, иммигрантской основе, но с заметным присутствием разнообразного аборигенного населения, называемого “первыми нациями” (*First Nations*). Канадское статистическое ведомство имеет огромный опыт проведения переписей с 1871 г. и собирания различной статистики; в том числе в переписи 2021 г. был использован вопросник в электронном виде, который содержал сотни примеров-вариантов этнической или культурной идентификации жителей. При этом издавна используется формула этнических “корней” (*roots*), “происхождения”, (*origins*) во множественном числе. В результате в переписи 2021 г. были получены детальные и сложные ответы, включающие 450 вариантов этнокультурного происхождения и языковых компетенций, 200 вариантов – о месте рождения, 100 – о религиозных идентификациях. С учетом того, что 35,5% населения назвали смешанную этничность, при раздельном счете общая сумма ответов превышает 100%. Все эти переписные данные утратили способность для сравнения с данными предыдущих переписей, но зато обрели новые грани и смыслы, важные для науки и для управления (здесь и далее использованы материалы: *Census of Canada 2020*).

Список этнокультурных идентификаций оказался на сей раз длинным, но в центре его остались основные общности страны в лице потомков европейских первопоселенцев (французов, англичан, шотландцев, ирландцев), потомков последующих иммигрантов (итальянцев, немцев, украинцев, китайцев, индусов, филиппинцев), а также аборигенных народов Канады. Понимание канадцами этнокультурных концептов менялось во времени и отражает сегодняшний взгляд, включая и терминологию. На итоги переписи оказали воздействие текущие общественно-политические события: ограничения при пандемии COVID-19, общественные движения типа БЛМ, расследования по поводу истории интернатов для детей аборигенов, антидискриминационные кампании в защиту выходцев из Азии.

Каковы основные результаты, значимые для нашего анализа проблемы “переписывания народов”? Как обошлись канадцы с тем, что обнаружили у себя несколько сот вариантов ответа на вопрос об этнических корнях/происхождении? Самое важное и действительно прорывное – это выход на первое место введенной еще в 1996 г. в переписные вопросники категории “канадец” (*Canadian, Canadien*). Так себя идентифицировали 5,7 млн (15,6%) в варианте как одиночного, так и множественного ответа. Уже знакомый нам общемировой процесс роста страновой идентичности как заместитель формы этнической здесь проявился еще более наглядно, чем в Англии, и вышел на первое место буквально за два десятилетия.

Эту категорию можно было бы сравнить с нашей категорией “россиянин”, но есть одно обстоятельство, которое мне, как специалисту по Канаде, не позволяет провести полную аналогию. Дело в том, что термин *Canadien* для канадских франкофонов означает не просто канадец как житель страны, а фран-

коканадец или квебековец. Нагрудные значки с надписью *Je sui Canadien!* я наблюдал среди квебекских сепаратистов в период моих полевых исследований в 1970-е годы, и с тех пор смысл этого слова для франкофонов не поменялся. То, что больше всего данная идентичность (или этническая группа в упрощенном понимании) распространена в восточных регионах страны, подтверждает мое заключение, что под категорией *канадцы* могли записаться как люди с доминирующей общеканадской идентичностью и с целиком утраченными “этническими корнями”, так и упорные франкоканадцы, отрицающие выдвинутый еще в 1970-е годы премьер-министром Пьером Трюдо концепт “Мы – все канадцы!” (*We are all Canadians*) (см.: Банцекин, Тишков 1979; Тишков 1980).

Конечно, куда не исчезла исторически сложившаяся в стране “двухобинность”, т.е. существование в стране двух основных этнических идентичностей (можно сказать, общностей и даже наций, если следовать традиции советского канадоведения). Англоканадцами (“English”) назвали себя 5,3 млн человек (14,7%) и франкоканадцами (“French”) – 4 млн человек (11%). Однако к англоканадцам следует отнести и тех, кто указал ирландское и шотландское происхождение: по 4,4 млн (по 12,1%) каждая “группа”. К франкофонам следует отнести и тех, кто прямо назвал себя как “франкоканадец” (0,9 млн) и “квебекец” (*Québécois* – 982 тыс.). Следующими по численности категориями были канадцы с немецким происхождением (3 млн, 8,1%), китайским (1,7 млн, 4,7%), итальянским (1,5 млн, 4,3%), индийским (1,3 млн, 3,7%), украинским (1,3 млн, 3,7%). За ними следуют канадцы с голландским и польским происхождением. А в целом люди с европейскими корнями и идентичностью составляют в Канаде 52,5% населения. Это заметно меньше, чем было в период моих исследований в 1970-е годы (Тишков, Кошелев 1982).

Как обошлись канадские статистики, позволив жителям записать до восьми (!) разных этнокультурных категорий в качестве составляющих личностную идентичность? В качестве подсказки в переписи 2021 г. приводились примеры возможных ответов на этот вопрос числом около 500! Это действительно помогло многим с выбором: например, “квебекцам” и евреям. Канадских евреев, например, записалось в два раза больше (282 тыс.), чем в предыдущей переписи, когда категорию *Jewish* некоторые воспринимали только как форму вероисповедания и ее не было в списке возможных ответов как подсказки.

Фиксация множественной идентичности при возможности компьютерной обработки данных (и при условии точности и полноты собираемых сведений!) действительно дает более сложную картину и в какой-то степени смягчает межгрупповые границы в среде одной гражданской нации. Канаде, которая чуть-чуть не раскололась на две части по причине выхода провинции Квебек из федерации, эта тенденция в пользу консолидации единой канадской нации через увеличение этнической смешанности населения страны помогла не меньше, чем успешно проведенные зимние Олимпийские игры в г. Ванкувере в 2010 г. Никакого особого ущемления этнического самоопределения при этом не случилось. Некоторые этногруппы даже увеличились в численности! Так, например, по переписи 2016 г. русских в Канаде было 120 тыс. с единичной идентичностью, но 502,3 тыс. канадцев имели русские корни вместе с другими этническим корнями. Такая же ситуация проявилась и для особой аборигенной группы метисов (*Metis*) – потомков французских трапперов и индейцев в регионе канадских прерий. “Чистыми” метисами (“только метисами”) назвались всего 91,2 тыс., а смешанных с другими – 508,8 тыс., т.е. всего 600 тыс. канадцев могут отнести себя к аборигенным метисам в разной степени. Наконец, по индейцам: 526,6 тыс. – только индейские корни, 999 тыс. – смешанные с другими не индейцами, а всего – 1,4 млн человек могут относить себя к “первым нациям”.

Этот момент может иметь и социально-политические проекции по части особых прав канадских индейцев (о них см.: *Стельмах и др.* 1990).

В классификационную категорию этничности в Канаде включают и расовые характеристики населения (в России такую путаницу пока можно встретить только в лекарственных листовках некоторых препаратов!). В 2021 г. из 36,3 млн всего населения 25,4 млн (70%) назвали себя “белыми”. Аборигенное население – индейцы, эскимосы, метисы (включая и смешанных!) выросло за пять лет на 9,4% и составило 1,8 млн (5% населения страны). Более четверти канадцев (26,5%) принадлежат к “не белым” и “не аборигенным”, так наз. визуальным меньшинствам, самые многочисленные из которых – выходцы из южной Азии (2,6 млн, 7,1%), китайцы (1,7 млн, 4,7%), “черные” (1,5 млн, 4,3%). Эта часть населения за пять последних лет выросла на 18,4%. В период моих исследований в Канаде эта часть населения составляла около 300 тыс. (2% населения), а массовая миграция выходцев из Индии, Китая и Филиппин тогда только начиналась! Сейчас это уже во многом другая страна, более сложная по этнорасовому составу, но от этого не ставшая более слабой или разобщенной: квебекский сепаратизм явно затерялся в новых культурных сложностях.

Таким образом, *степень и смыслы категоризации населения по признакам этнической принадлежности/происхождения разнятся между странами, но общим является то обстоятельство, что не только культурно-языковые, но и другие, прежде всего фенотипические, различия зачастую лежат в основе группировок населения и их фиксации в переписных и других классификационных процедурах.* Интересно, что даже в этнорасовом (фенотипическом) варианте разнообразие также сопровождается динамичной изменчивостью. Так, например, население Пуэрто-Рико за последние 50 лет почти целиком переидентифицировалось с категорий “негр” и “мулат” на категорию “белый”. В Бразилии произошел обратный процесс: за 30 лет многие бразильцы, идентифицирующие себя как “белые” и “черные”, предпочли категорию “коричневые” (*Brown*), и таким образом большинство бразильской нации стало “цветным”. В этом случае имело место сочетание “объективной” демографии (более высокая рождаемость среди небелого населения) и изменения в предпочтительности выбора по части престижности цвета кожи и внешнего облика в целом. Похоже, что Бразилия ушла от некогда господствовавших форм общностей по степени и типу мулатизации (квартироны, октороны, мулатры и т.д.).

Итоги переписи 2020–2021 гг. в России в конструктивистской оптике

Данный анализ касается только вопроса этнических классификаций и не анализирует языковую ситуацию, что требует отдельного рассмотрения. Накануне переписи для этнологов было важно добиться возможности фиксации и отражения в итогах сложной этнической идентичности. Основанием для этого были прежде всего данные многочисленных этнографических и социологических исследований. Прежде всего это данные Института этнологии и антропологии РАН, которые наиболее полно были изложены в коллективном труде по вопросам измерения культурного многообразия населения России (*Мартынова, Степанов* 2019), особенно в разделе, написанном В.В. Степановым (*Степанов* 2019). Содержащаяся в этом труде таблица и другие данные показывают, что во время общероссийского опроса, проведенного накануне микропереписи 2015 г., на вопрос о второй национальной принадлежности ответили положительно почти 15% россиян. Это, кстати, почти совпадает с долей этнически смешанных семей в Российской Федерации, которую устанавливали переписи населения 1989, 2002 и 2010 гг. Самая высокая доля этнически смешанного населе-

ния наблюдалась в таких республиках, как Чувашия, Коми, в Астраханской и Самарской областях, городе Санкт-Петербурге (Москва не была в опросном списке) (Табл. 2). В.В. Степанов предполагал, что от 7 до 20 млн человек в России могут указать в переписи двойственную национальную принадлежность и два родных языка, и ниже приводится составленная им таблица по регионам (см.: *Степанов 2019: 153*).

Таблица 2

**Доля лиц, указавших при опросе принадлежность
более одной национальности и более одного родного языка**

	национальность, %	родной язык*, %
Астраханская обл.	19,1	15,3
Белгородская обл.	13,0	9,7
Бурятия	4,7	6,0
Воронежская обл.	12,0	4,3
Калмыкия	6,3	16,0
Карачаево-Черкесия	6,3	9,0
Коми	17,7	9,0
Марий Эл	8,6	7,5
Мордовия	12,3	11,0
Новосибирская обл.	10,3	2,0
Омская обл.	12,0	7,0
Пермский край	9,3	6,3
Приморский край	11,7	6,0
Республика Алтай	11,7	8,4
Ростовская обл.	8,9	6,0
Самарская обл.	16,0	5,0
Санкт-Петербург	14,3	6,7
Саратовская обл.	8,7	3,7
Северная Осетия	13,3	14,1
Ставропольский край	9,6	10,0
Удмуртия	14,7	14,7
Чечня	4,7	8,7
Чувашия	21,7	24,7

* Комбинация двух родных языков и более в большинстве случаев включает русский язык

Другие исследования, проведенные накануне и во время последней переписи, подтверждают эти изыскания. Так, В.В. Бубликов и А.А. Ткачев, используя термин “биэтноры”, пишут, что последние в подавляющем большинстве не знали о возможности указания нескольких национальностей, и лишь малая доля их (среди жителей с русско-украинской этничностью таковых 13%) намеревались указать две свои этничности в переписи. Очень низок был уровень личного участия жителей в переписи, и значительная часть сведений была собрана из административных источников. Как считают эти специалисты,

весьма вероятно, что в результатах переписи будут учтены только порядка 5-10% русско-украинских биэтноров. Более того, значительное число лиц с “неизвестной” национальностью (т.е. переписанных заочно по административным источникам) в итоговых данных переписи, создаст предпосылки для манипулятивных трактовок этнодемографических тенденций в стране (Бубликов, Ткачев 2022: 95).

По их мнению, беспрецедентно низкий уровень участия населения в переписи 2021 г. сводит на нет возможность адекватной фиксации численности полиэтничных групп в стране:

Вместе с этим, крайне низкая степень фиксации множественной этничности в ходе переписи 2021 г. прогнозируется нами даже не столько из-за низкой степени реального участия населения в ней, сколько из-за неготовности декларировать свою полиэтничность самими представителями таких групп. <...> Причинами столь низкого желания декларировать свою множественную идентичность очевидно являются два фактора. Во-первых, это крайне низкая осведомленность жителей об изменении методологии учета национальностей при переписи населения, возможности указания двух национальностей. <...> Во-вторых, низкая готовность указывать свою двойную национальность в переписи вероятно вызвана также нежеланием декларировать свою принадлежность к этническим меньшинствам, особенно из числа стигматизированных, публичная идентификация с которыми многими воспринимается как небезопасная. К числу таковых в переписи 2021 г. безусловно добавились и украинцы, вследствие ухудшения российско-украинских отношений и роста антиукраинских настроений, подогреваемых медиа (Там же: 101).

Это последнее наблюдение насчет украинцев представляется справедливым, ибо именно в момент переписывания человек со сложными корнями и этнокультурным бэкграундом взвешивает “за” и “против” того или иного выбора. Так совершаются массовые переходы из одной этноидентификации в другую (на языке примордиалистов: из одного этноса в другой). Конфликты, войны, репрессии в данном случае больше всего могут влиять на реидентификацию. Иногда это вариант, когда раз в десять лет массово перетаскивают жителей северо-западной Башкирии из татар в башкиры и наоборот. Иногда такие переходы происходят на более длительном отрезке времени под влиянием глубоких общественно-политических трансформаций, культурных восприятий и стереотипов. Таких примеров много, и объясняются они лучше на основе конструктивного подхода к теме этнических диспозиций.

Переписи как общегосударственное мероприятие. 30 декабря 2022 г. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) обнародовала пятый том Всероссийской переписи населения 2020 г. (ВПН-2020) “Национальный состав и владение языками”. Отметим, что перепись подтвердила численность постоянного населения России на уровне 147 млн человек. И этот факт сам по себе имеет большое значение: самое крупное по территории государство мира пребывает в первой десятке стран также и по численности населения. Кстати, есть еще текущий учет населения, который несколько отличается от переписных данных. Так, по данным Росстата, на 1 января 2023 г. население России составляет 146,4 млн человек, что на полмиллиона меньше, чем было в момент проведения последней переписи. Но и при отрицательном естественном росте

по причине превышения смертности над рождаемостью и незначительной численности иммигрантов, которые становятся постоянными жителями страны (именно постоянных жителей, а не только граждан, переписывает перепись), все-таки опровергаются апокалиптические прогнозы 1990-х годов о “вымирании России” и сокращении ее населения почти вдвое через 30-40 лет. Точно так же опровергается некогда расхожий концепт о “русском кресте”, предсказывавший уменьшение доли этнических русских в составе населения страны вплоть до превращения их в “национальное меньшинство”.

Однако сначала об общей оценке этой важной государственной кампании, которая проводится на основе Федерального закона о “Всероссийской переписи населения” профильным органом государственной власти – Росстатом – с участием научных организаций и под руководством специальной государственной комиссии, возглавляемой, как правило, одним из вице-премьеров Правительства РФ. Эта комиссия обсуждает и принимает важнейшие решения на всех этапах подготовки и проведения переписи, начиная от программы опроса и заканчивая принципами публикации итогов переписи. В это раз такая комиссия фактически не функционировала: одно из ее заседаний прошло в 2019 г., и больше она не собиралась. Все вопросы были передованы аппарату Росстата с его несколько раз менявшимися и не очень опытными руководителями. А по вопросам трактовки данных по национальности и языку в качестве основного арбитра выступило ФАДН России, ответственные за эту часть работы сотрудники которого оказались не на том уровне, чтобы понять и должным образом объяснить полученные результаты. Воспринимая так наз. список народов как некую священную данность и не понимая сложную сферу этнокультурного самосознания россиян, в своей работе над итоговыми данными переписи они предпочли принцип “чего изволите?” из-за боязни возможных отрицательных реакций среди населения или недовольства высшего руководства. Однако получилось наоборот: обнародованные итоги вызывают много вопросов у населения, у специалистов и еще больше вопросов вызовут в будущем (в сравнении с прошлыми и особенно – с будущими переписями).

Только ирония в том, что через десять лет едва ли кто из нынешних чиновников останется сидеть на своих местах, и поэтому спросить будет не с кого: таковы законы бюрократического управления. *Отсюда урок: перепись – это не политическая акция, а важная и сложная государственная кампания, и в ней должны участвовать ученые и общественность. Перепись – это проверка на компетенцию государственного управления и на гражданскую ответственность населения страны.* Также это проверка готовности финансового обеспечения переписной кампании, ибо невозможно качественно провести опрос населения на территории 17 млн кв. км при оплате переписчикам 16 тыс. рублей в месяц с необходимостью совершать обходы квартир и домов в период пандемии и плохой агитации среди граждан участвовать в переписи. Кстати, второй этап проведения опроса после перерыва из-за локдауна вообще не объявлялся среди населения и проводился почти инкогнито, что можно объяснить дезорганизацией работников статорганов и их упованием на получение данных через интернет и так наз. административные источники.

Последний источник получения данных о жителях был дополнительно предусмотрен специальной поправкой к закону еще перед прошлой переписью 2010 г. И уже тогда это привело к такому казусу, что 5,6 млн жителей, или 4% (по сравнению с 1,5 млн, или 1%, в 2002 г.), в 2010 г. оказались без указания национальности и родного языка. Это случилось по той причине, что таких данных просто нет в паспортных и прочих “столах”, а не потому, что у них нет национальности или они не желают ее называть. Конечно, в России были и будут жи-

тели, которым сложно определить свою, особенно единичную, национальную (этническую) принадлежность. Есть и такие личности, которые принципиально не отвечают на этот вопрос, предпочитая называться просто “гражданином России”, “россиянином” или “дагестанцем”. И все равно эту часть населения необходимо устанавливать в результате опроса, прямого контакта с человеком и получения от него ответа на данный вопрос.

Организаторы ВПН явно переоценили “цифровые” возможности проведения переписи, предложив населению возможность переписаться через интернет на портале “Госуслуги”, не проводя разъяснительную работу, адаптацию самого вопросника и обучение переписчиков. И это была еще одна ошибка. Как выяснилось, далеко не все граждане среднего и старшего возраста смогли справиться с электронным переписным листом, для них основным остался традиционный способ переписи. Расчет на то, что молодежь воспользуется цифровыми технологиями, также оправдался не в полной мере.

Недоучет и проблема числа и численности народов. Перепись 2020/21 гг. усугубила ситуацию с определением этнического состава населения страны на сей раз еще более гигантским недоучетом именно данной категории сведений: от 16,6 млн человек не были получены данные о национальности или они не пожела-ли их указать по разным причинам. Среди них 7 млн человек “отказались отвечать на вопрос о национальной принадлежности”, у 542,2 тыс. человек “нет национальной принадлежности”, и о 9,05 млн человек сведения были получены из административных источников. Таким образом, доля “лиц без национальности” составила 11,3% от численности населения страны, и это существенно подрывает достоверность всех данных об этническом составе. Фактически без дополнительных объяснений и разысканий пользоваться этими данными очень сложно.

В недоучет попало главным образом городское население, ибо село переписывается более дисциплинированно, и там люди в большей степени пребывают под контролем местных администраторов или ангажированных активистов, агитирующих за определенный вариант записи национальности. В пользу этого заключения говорит и то обстоятельство, что “без национальности” было больше всего среди тех, кто переписывался через интернет на портале “Госуслуги” и не пожелал указывать национальность после обязательного указания личных данных. А если этот недоучет приходится на городское население (оно составляет 75% населения страны), то, безусловно, от него пострадали представители тех этнических общностей, которые отличаются более высокой урбанизированностью и дисперсным характером расселения. Это, конечно, прежде всего наиболее многочисленные народы, проживающие в российских городах и селах в разных регионах: русские, татары, украинцы, чуваша, мордва, удмурты. Сюда можно отнести и широко расселенные по стране небольшие группы (евреи, российские немцы, белорусы и др.).

Конечно, вопрос о численности русских в России – наиболее обсуждаемый. Вокруг этого много политизированной мифологии, но есть и реальные проблемы. Уже в переписи 2010 г. некоторое сокращение численности русских было вызвано не естественными факторами, а процедурным недоучетом, ибо среди 5,6 млн человек “без национальности” не менее 4,5 млн составляли русские. При установленной доле 80% от всего населения такая проекция на неучтенных вполне оправданна. Таким же образом и в последней переписи не менее 80% из 17 млн, т.е. 13,5 млн человек, – русские по национальности жители России. Это означает не сокращение численности русских на 5,48 млн человек по сравнению с переписью 2010 г. (как обнародовано в итогах переписи), а в действительности их рост почти на 8 млн человек (или на 3,5 млн, если засчитать недоучтенных в 2010 г. русских). Это объясняется не столько естественным

приростом, сколько всегда присутствующей в истории страны добровольной ассимиляцией в пользу русских потомков смешанных браков, прибавлением почти 2 млн русских после присоединения Крыма и довольно многочисленной миграцией русского населения с Украины и других территорий бывшего СССР. Итак, еще один урок нынешней переписи: *она должна быть действительно всеобщей и не допускать большой доли недоучета или неполного учета, особенно по таким чувствительным вопросам, как национальный состав населения.* Разные ухищрения, как, например, переписывание в русские тех, кто указал своим родным языком русский, ситуацию с учетом никак не спасают, а, наоборот, ее только запутывают.

Данная проблема затрагивает не только русских. Понесли потери из-за недоучета и другие, порождая разные негативные реакции. С 2010 г. наиболее значительные и никак не объясняемые, кроме как недоучетом, сокращения имеются у татар – на 597 тыс. (11,2%), чувашей – на 368,7 тыс. (25,7%), мордвы – на 259,8 тыс. (34,9%), удмуртов – на 165,8 тыс. (30%) и др.

Недоучет не затронул в такой степени этнические общности, которые в своем большинстве проживают в “своих” республиках и политически более мобилизованные, а также тех, у которых отмечается высокая рождаемость. К этой части нашего населения можно отнести почти все народы Северного Кавказа и Дагестана, среди которых ислам и традиции ограничений на аборт и употребление алкоголя помогают естественному приросту населения. Этим отличаются особенно чеченцы и ингуши, численность которых выросла за 10 лет на 20% и 23,5% соответственно. Немного подросли или сохранили свою численность народы Дагестана, включая не только самых многочисленных аварцев, даргинцев, лезгин, кумыков, но и малочисленные группы горского населения, часть которых входит в состав первых двух народов. Надо сказать, что этническая идентичность среди северокавказцев довольно часто опережает общероссийскую, а также сказывается соперничество между разными группами, которые проживают под одной республиканской администрацией. Мобилизация и соперничество приводят к распространенным попыткам двойного учета, когда проживающие за пределами республик соплеменники умудряются переписываться также и как жители республик.

Этническая мобилизация и трудности с этнической сложностью. Вообще вопрос об этнической мобилизации в момент переписи относится к числу давних и трудно разрешимых, но его как минимум нужно учитывать при объяснении итогов переписей не только объективными “этническими процессами”, а конструированием этничности через политические и морально-эмоциональные воздействия. Только этими факторами можно объяснить почти двойное увеличение численности черкесов и очень значительный прирост (почти 100 тыс.) башкир в Башкортостане. Только этим обстоятельством можно объяснить, почему башкиры оказались единственным из поволжских народов, который при вышеотмеченном недоучете сохранил свою численность при одинаковой среди них демографической и миграционной ситуации. И в том, и в другом случаях проведению переписи предшествовали националистические кампании под лозунгами “Запишись черкесом!”, “Запишись башкиром!”. В ситуации с башкирами в этом активно участвовали представители региональной власти и даже некоторые “эксперты ФАДН”, а в случае с черкесами дали свои результаты усилия зарубежной черкесской диаспоры и местных этнонационалистов сделать “один народ” из нынешних адыгских народов.

Инструментальный подход к этничности зримо проявился среди коренных малочисленных народов Российской Федерации, для представителей которых действующий федеральный закон предусматривает важные предпочтения, вклю-

чая возможность альтернативной воинской службы, выделение традиционных территорий природопользования и квот на пользование ресурсами. При малочисленности и территориальной ограниченности таких групп достаточно одного-двух “пассионарных” лоббистов, чтобы организовать кампанию в пользу признания той или иной в чем-то отличительной группы населения или некогда существовавшего локального самоназвания с перспективой включения таковой в официальный список коренных малочисленных. Так, например, корякский лингвист и этнограф, писатель и педагог М.И. Попов (Татха) долго добивался признания в качестве отдельного народа этнографической группы среди коряков под названием “алюторцы”, которых в переписи 2002 г. было зафиксировано 12 человек, а в переписи 2010 г. ни одного якутора не было обнаружено. В обход академического заключения Правительство РФ приняло решение о включении якуторов в список, и вот результат – в переписи 2020–2021 гг. уже обнаружилось 95 якуторов. Политизированные игры вокруг сахалинских айнов также поспособствовали сначала появлению этой группы, выросшей всего лишь из одной семьи по фамилии Накамура, а в итогах последней переписи айны странным образом исчезли.

“Конструирование этносов” в политических, меркантильных или других целях из наличествующего в реальности этнического многообразия – явление, широко распространенное в мире и в нашей стране, но оно плохо осознается отечественной наукой и политикой, как и наличие у человека сложной (как правило, двойной) этнической принадлежности. Как я уже отметил, объявленный в переписи 2020 г. вариант возможной записи второй национальности через запятую в одной и той же строке в конечном итоге был просто проигнорирован при машинном подсчете, т.е. превратился в тривиальный обман переписываемых.

Наконец, есть один большой вопрос на перспективу по части фиксации этнического самосознания россиян. Именно самосознания, а не “народов России”, как это трактует зачастую бюрократия и как этому обучена воспринимать российская общественность. При всем уважении к представителям других стран, не представляется разумным сохранять старое советское клише “Все флаги в гости к нам!” и считать народами России проживающих в стране американцев, британцев, венгров, итальянцев, кубинцев, пакистанцев и так далее по списку примерно в три десятка названий, численностью не более одной тысячи каждая, проживающих в разных городах и никак между собой не связанных. А если заглянуть в список “указавших другие ответы о национальной принадлежности”, где набралось 170 тыс. человек и еще полсотни “народов” от австралийцев до ямайцев, то станет ясно, что клише “народы России” включает в себе людей не только тех, кто может составлять исторические этнообщины России или выходцев из других стран с давней историей проживания в России (напр., российские болгары, греки, китайцы, курды, поляки и т.д.).

К народам России, если таковая классификация принимается в нашей стране в настоящее время, справедливо относиться и сообщество тех наших бывших соотечественников, у которых сейчас есть “свой” государства, но которые во многом являются автохтонным населением также и России. Но вот делать из всех, кто в переписи назвался по своей страновой принадлежности “народом России”, было бы нелепо. Этот вопрос назрел, и его нужно обсуждать при подготовке следующей переписи, а также не заикливаться на выучивании ответов на викторинный вопрос: “Сколько народов проживает в России (в субъекте федерации, городе и т.д.)?”.

Лично у меня на этот счет есть свой ответ, который может не всем нравиться: в России проживает один народ – российский, который имеет сложный этнический состав. А сколько из реально существующего этнического многообразия

ученые, политики и активисты могут “сделать народов”, это вопрос открытый. Хотя беспредельное конструирование здесь невозможно: автохтонные исторические общности со своими культурой и языком существуют в России веками, а некоторые (как русские) составляют государствообразующую общность по факту своей роли в истории страны. И все-таки вопрос, как спрашивать и как считать в ходе переписи населения, остается в нашей повестке. Если мы фиксируем в переписи в категории этнических общностей (национальностей) британцев, бразильцев, канадцев, китайцев, вьетнамцев, индийцев, которые, как мы знаем, на самом деле состоят из десятков и даже сотен этнических групп, тогда почему нельзя зафиксировать россиян (граждан России), которых от переписи к переписи будет все больше и больше? В переписи 2020–2021 гг. такая категория наконец-то появилась с числом 1,2 млн человек, хотя, по моим и другим оценкам и сведениям, таковых должно было быть зафиксировано значительно больше. Куда они делись – вопрос к Росстату и ФАДН? *Хочу только сказать, что общестрановая (общенациональная) идентичность в России, как и в большинстве стран мира, занимает приоритетное место, и для многих граждан это и воспринимается как национальная принадлежность.* Организаторы современных национальных переписей при вопросе об этнической принадлежности уже согласились с необходимостью показывать и тех, кто ответил на этот вопрос просто “канадец” или “британец”. Именно эти ответы в последних переписях населения оказались на первом месте по своей численности!

Я не хочу сказать, что дело идет к тому, что в России будет только одна национальность – “россиянин”. Этого не случится, пока мир, включая и нашу страну, воспроизводит и сохраняет свое этнокультурное многообразие, но и отказывать гражданам называть себя так, как они “самоопределяются”, нет никаких оснований. Организаторы переписи и публикаторы ее итогов должны подчиниться конституционному требованию в данном вопросе, а заодно – заняться повышением своей квалификации, чтобы не отставать от меняющихся жизненных реалий и современных научных оснований в организации переписей населения.

Перепись как повод для обновления теории

Что касается современных трактовок феномена этничности, то обращаю внимание на работы К. Чандры и других авторов относительно использования конструктивистского метода анализа именно в сфере этнополитической проблематики (Chandra 2012). Как объяснить суть и разницу подходов применительно к данной области научных занятий? Нет сомнений, что воздействие примордиального подхода обладает инерцией трактовать этничность как нечто сингулярное (в смысле неповторимой сущности), извечное и неизменное. Особенно это видно из исследований о взаимосвязи между этничностью и такими проблемами, как тип правления, стабильность и устойчивость государства, гражданские войны и конфликты, социальная политика и система предпочтений, образовательные программы и квоты и многое другое.

Бюрократия и правоприменители приходят в замешательство перед проявлениями этнической подвижности и сложности. Для них субъект регулирования должен обладать определенностью и неизбежностью своего проявления. Отсюда многочисленные коллизии, включая давнее решение Конституционного суда Российской Федерации в отношении невозможности существования больше чем одной национально-культурной автономии федерального уровня для представителей той или иной этнической общности. Отсюда также и правовая установка производить государственные реестры членов той или иной общности, будь то казаки или коренные малочисленные народы. Отсюда же и

единственная свободная строка в поле ответа на вопрос о национальности и о родном языке в переписном вопроснике.

На представлении об единичной природе этничности построена во многом и социология, включая систему опросов общественного мнения: между этносами как бы и нет никакого пространства. А уже за экспертами и интерпретаторами следуют государственные службы, кадровые и рекрутинговые системы, музейные экспозиции, фестивальные и прочие коллективные действия. Если посмотреть на всю систему реализации государственной национальной политики в России, а также на политику аффирмативных действий, квотирования и распределения общественных благ, образовательных прав и т.д. в других странах – все это во многом зиждется на основании посыла об извечности этнических групп. В этом же ключе воспринимаются межэтнические отношения и конфликты.

Однако достоинство конструктивизма прежде всего в том, что он обратил внимание и подверг анализу феномен этничности, включая *политику этничности* и *этническую политику*, которые оказался не способен объяснить примордиализм. Например, как объяснить многое в привычной демографии: например, двойные рост или уменьшение численности этнических групп в межпереписные десятилетия или появление в разных вариантах самой этнической номенклатуры – так наз. списка народов. Например, число американских индейцев увеличилось на 50% в 1970-е годы и на 80% – в 1980-е годы. Например, число мусульман в Боснии увеличилось на 75% с 1961 по 1971 гг., а югославов уменьшилось на 85% за тот же период при отсутствии миграционного движения.

Много аналогичных примеров имеется и в российской практике. Я уже писал о татаро-башкирском казусе переписывания из башкир в татары, татар в башкиры в зависимости от политического курса руководства региона и от степени энтузиазма местных “экспертов”. Признать наличие феномена татаро-башкирского симбиоза примордиальные установки и тривиальный этнонационализм не позволяют. В последней российской переписи проявился еще один разительный пример воздействия политико-идеологического фактора: это почти двойное увеличение численности черкесов (с 73,2 до 114,6 тыс.) как результат агитации зарубежной черкесской диаспоры и части местных интеллектуалов в пользу конструирования единой нации черкесов из народов адыгской группы (адыгейцев, кабардинцев, черкесов, шапсугов). Естественно, что это увеличение произошло за счет других адыгских групп, и, как заявляют энтузиасты этой кампании, “начало положено”, т.е., по их мнению, началось создание единой черкесской нации.

Как мы показали выше, не менее поразительны так наз. этнические процессы в Соединенном Королевстве, где население “мигрирует” между британскостью и английскостью: в 1992 г. 31% жителей страны считали себя англичанами, спустя десять лет их количество увеличилось до 41%. Сходный “процесс” ухода от британскости в пользу этнорегиональной идентификации произошел среди жителей Уэльса и Шотландии. Но через 30 лет произошел новый поворот, но уже в пользу британскости. Результаты переписи населения 2021 г. по Англии и Уэльсу показали сокращение (почти в четыре раза!) числа тех, кто определяет себя как “англичанин”, а число определяющих себя как “британец” увеличилось в три раза и ныне составляет 55% населения этой части королевства. Но самое интересное – это двукратное увеличение числа тех, кто считает себя одновременно “англичанином” и “британцем”. Это настоящее посрамление сторонников теории этноса, в рамках которой таким двуглавым или двудушным “организмам” вообще нет места! Так что же нового можно предложить в понимание этничности?

Одна из проблем сегодняшней науки – это отсутствие устраивающего всех определения понятия “этничность”, хотя я сам являюсь автором энциклопедических статей на эту тему⁴. Нельзя не заметить, что при всей вовлеченности в собирание данных об этничности ученые (этнологи и антропологи) чаще всего обходятся без выяснения, что имеется в виду под данным словом. Необходимо обновление самого словаря и языка описания этничности. Упор должен быть не только на показатели (классификация, численность и т.д.), а на механизмы воспроизводства, управления и использования этничности. Здесь могли бы быть полезны микроанализы типа исследования под руководством Е.А. Варшавера, изучавшего на примере жителей Дагестана поведенческие мотивы и историко-культурные установки в ходе опроса о национальности при проведении переписи населения. Полезным мог бы быть анализ личностных историй, причем не только рядовых участников переписных и других процедур по части этнического выбора и поведения. Мне лично представляются загадкой ситуации, когда ведущий ученый-этнолог или руководящий работник Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН), будучи, скажем, выходцем из Дагестана, в собственной жизни устраивает семью с “иноэтничным” партнером также нерусской национальности, воспитывает собственных детей в русскоязычной среде и культуре, каждый день общается в полиэтничном коллективе, но остается сторонником жесткого этногруппизма, всячески утверждая на службе постулаты этнической уникальности и “межнациональных отношений”. При этом, как правило, никакой саморефлексии или хотя бы внутреннего взгляда на свое профессиональное и семейно-родственное окружение не обнаруживается. Такое впечатление, что здесь действует ныне известная формула двойного стандарта: “А это другое!”.

Однако это не другое, а именно то самое, что пока плохо осмысливается на личностном уровне самими “практиками этничности” (теми, кто работает с вопросами этничности) и совсем не проецируется ими на своего рода внешний контур. Ведь если наше российское согражданство мы делим на “народы России”, то почему не считаем подходящим пользоваться этим же разделительным принципом в отношении собственного служебного или семейного круга? А если это действительно “другое”, т.е. коллектив Института этнологии и антропологии РАН или министерства, не говоря уже о собственной семье – составляют “один народ” (не путать со словом “единый”!), тогда почему не апробировать такой же взгляд и на местное, региональное или страновое сообщество? Мы, конечно, признаем разделительную силу социального и религиозного факторов в среде человеческих сообществ. *Этничность тоже может быть не последним по значимости разделителем, но делать обязательным занятием народоведческое натаскивание, начиная со школьной скамьи, – это вступать в противоречие с жизненной повседневностью, с личностными стратегиями человека, желающего преуспевать по жизни как можно в более широком и сложном социокультурном пространстве одной страны и за ее пределами.*

Надо признать с сожалением, что этническое многообразие чаще рассматривается как проблема в мире политики, которая должна разрешаться или через внедрение гомогенности, или через групповое разделение, в том числе и через раздел государственных территорий. На самом деле вопрос не в этничности, а в сопровождающих факторах, которые взаимодействуют с этничностью. Более того, этническое разнообразие может служить миру и развитию, даже укреплению общего государства и препятствием к его распаду. Конструктивистский подход способен помочь преодолеть своего рода негативный смысл феномена, когда этническое многообразие чаще всего связывается с рисками для государственного строительства, когда его связывают с существованием режимов,

которые менее демократичны, хуже управляются, больше предрасположены к конфликтам (Rothschild 1981; Horowitz 1985; Wimmer 2013). Есть работы, которые именно этническим фактором обосновывают наличие бедности и других социальных проблем.

Наиболее разрушительной представляется трактовка существования этнических общностей в составе государств как непреодолимого препятствия к нациестроительству на полиэтнической, гражданской основе. Национальное государство мыслится такими экспертами только как моноэтническое государство, но даже в варианте “державы-цивилизации” многообразия, по их мнению, должно обрести форму выбора в пользу доминирующей этничности. Вот как это понимает российский политолог Д. Тренин, отказывающий России в статусе гражданской, политической нации:

Ядром российской цивилизации-державы являются русские люди, с их языком, культурой и религией, но этнический момент в рамках единой цивилизации не является определяющим. Напротив, русское сообщество является открытым, свободно и на равных принимающим в свой состав не только отдельных представителей других этносов, но и сами эти этносы целиком. Русскими могут быть и являются и татары, и якуты, и чеченцы, и многочисленные этнические группы Дагестана (Тренин 2022: 35).

Комментарии здесь излишни по причине абсурдности самого высказывания!

Существует убедительная критика публикаций, которые выводили, казалось бы, убедительные формулы, что чем выше степень этнической и языковой гетерогенности того или иного общества (государства), тем оно более бедное и медленнее развивается в сравнении с этнически однородными сообществами (Easterly, Levine 1998; Alesina, La Ferrara 2005). По этой причине в научной повестке остается задача доказать, что *этническое многообразие и культурная сложность – это ресурсы и даже условия успешного и мирного развития как общества, так и отдельного человека*. В этом направлении учеными сделано недостаточно (Millrine, Vijić 2017; Luiz 2015).

Подводя итоги нашего анализа, приведу следующее высказывание К. Чандры:

Конструктивистский подход не отвергает, как это зачастую считают, примордиальные интерпретации этнических идентичностей. Он их проблематизирует. Если этнические идентичности действительно конструируются, тогда при каких условиях примордиальные трактовки этих идентичностей вызываются и укореняются в жизни? Почему именно примордиальные взгляды в большей степени связываются с одними этническими категориями и меньше с другими? Как воздействует на людей осознание ими природы этничности как сконструированной или как примордиальной? Парадоксально, но исходя из конструктивистских оснований, мы можем более глубоко познать и корни примордиализма (Chandra 2012: 8).

В чем заключается это новое проникновение в природу примордиализма? К. Чандра и ее соавторы выделяют два типа этничности: *номинальную этническую идентичность* как категории, при которых основанные на происхождении характеристики дают человеку возможность группового членства, и *активированную (задействованную) этническую идентичность* как категории, при которых человек действительно практикует членство или таковое ему приписывают другие. Все люди обладают определенным репертуаром номинальных идентичностей, из которых одна или более могут быть задействованы в определенный момент. Здесь важно различать такие вещи, как свойства и категории. Этническая идентичность чаще используется не как свойства, а как категория, на основе которой и конструируется (мысленно, в написанном тексте или в социологической анкете) группа. Так что это взаимопроникающее понятие.

По этой причине мне представляется возможным считать, что *этничность* – это категория и группа как кластер индивидов, которые разделяют то или иное приписываемое обозначение, но совсем необязательно считают себя одним коллективом с общими интересами. Как мне однажды признался М.Н. Губогло (излагаю по памяти), “во время депортации в Сибири я и мои родители были высленными из Молдавии гагаузами, при поступлении в МГУ я выбрал близкую мне и более понятную всем болгарскую национальность, за время жизни в Москве и работы в Академии наук я стал и считаю себя русским, но когда я еду в отпуск или в экспедицию в Гагаузию, то снова становлюсь гагаузом”. Насколько я помню, в 1991 г. его как знатного соплеменника даже приглашали стать президентом Гагаузской Республики, но он не стал делать этот беспокойный выбор. Какая из этих идентификаций моего покойного друга была номинальной и какая задействованной, – я затрудняюсь сказать, а спросить уже нет возможности.

Этот момент этнического выбора и этнического дрейфа был рассмотрен также Роджерсом Брубейкером как “этничность без групп” (Брубейкер 2012), а применительно к отечественному материалу мы рассматривали ситуацию с наличием в номенклатуре “народов России” нескольких десятков условных кластеров, которые никакими сообществами не являются, хотя присутствуют в итоговых переписных документах как самостоятельные этнические категории, т.е. как “народы” (Тишков 2021: 259–267). Таким образом, мы не заканчиваем разговор про суть этнической материи. Как было отмечено выше, некоторые специалисты в целях учета примордиальных факторов предлагают обратить особое внимание на роль *десцентного принципа* (принцип отсылки к общему генеалогическому, линейному происхождению). Он действительно присутствует как в обыденном мышлении, так и в общественных практиках и распространенных опросных формулах об *ethnic origin* или *ethnic belonging*.

Именно этот принцип позволяет зачислять в этнические группы довольно разные по своей содержательной сути категории-группировки. Но в свое время мною было предложено дополнить формулу об общем происхождении словом “миф”. Эта новация ныне стала общепринятой, ибо мы в реальности имеем дело чаще всего не со строгой академической версией, а с версией из разряда так наз. *фольк-хистори* – той, что присутствует в массовом дискурсе и одобряется им. В таком случае мы снова возвращаемся на круги своя: в разные времена и в разных обстоятельствах меняются мифы о происхождении, а значит меняются и конструируемые на их основе групповые идентичности. К. Чандра предлагает рассматривать подобные изменения на коротком отрезке времени как “процесс реклассификации элементов из фиксированного набора характеристик, понимаемый в данном случае как рекомбинация” (Chandra 2012: 11). И отсюда появляется, по ее мнению, перспектива теоретизирования этнических перемен с использованием так наз. *комбинаторики* – раздела математики о решении задач, связанных с выбором и расположением элементов некоторого множества в соответствии с заданными правилами. Но это уже другая история.

Примечания

¹ См. также: Wimmer 2013.

² Здесь и далее в этом разделе сведения приводятся по материалам Департамента статистики ООН, который координирует проведение переписей в мировом масштабе и обобщает демографические и другие данные по всему миру (см.: UN 2019).

³ Личная переписка: В.В. Степанов – В.А. Тишкову.

⁴ См. мою статью “Этничность” в бумажной и электронной версиях “Большой

русской энциклопедии” и статью “Ethnicity” в соавторстве с С.В. Соколовским (Sokolovskii, Tishkov 2002).

Источники и материалы

Census of Canada 2020 – Ethnic or Cultural Origins: Technical Report on Changes for the 2021 Census // Statistics Canada. 20.07.2020. https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/alternative_alternatif.cfm?t=Ethnic%20or%20cultural%20origins:%20Technical%20report%20on%20changes%20for%20the%202021%20Census&k=402&l=eng&loc=/census-recensement/2021/ref/98-20-0002/982000022020001-eng.pdf

Principles 2017 – Principles and Recommendations for Population and Housing Censuses. Revision 3. N.Y.: United Nations, 2017. https://unstats.un.org/unsd/demographic/meetings/egm/newyork/2014/p&r_revision3.pdf

UN 2019 – UN National Census Questions Repository // Migration Data Portal: The Bigger Picture. 01.03.2019. <https://www.migrationdataportal.org/resource/un-national-census-questions-repository>

Научная литература

Банцехин Н.Б., Тишков В.А. Квебек на перепутье // Канада на пороге 1980-х годов. Экономика и политика / Отв. ред. Л.А. Баграмов. М.: Наука, 1979. С. 231–258.

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.

Бубликов В.В., Ткачев А.А. Население с множественной этничностью (национальностью) и прогноз его фиксации в ходе Всероссийской переписи населения 2021 г. // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8 (1). С. 95–107. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-8>

Варшавер Е.А. В ловушке двойной иррелевантности: (вос)производство этничности во взаимодействиях между переписчиками и переписываемыми в ходе всероссийской переписи 2021 г. в Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 199–221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150>

Мартынова М.Ю., Степанов В.В. (ред.) Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, перепись, полевая этнотатистика. М.: ИЭА РАН, 2019.

Пименов В.В. (ред.) Основы этнологии: учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 2007.

Стельмах В.Г., Тишков В.А., Чешко С.В. Тропой слез и надежд. Книга о современных индейцах США и Канады. М.: Мысль, 1990.

Степанов В.В. Измерение культурного многообразия России // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этнотатистика / Ред. М.Ю. Мартынова, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 140–154.

Тишков В.А. Историко-антропологический анализ переписи населения. М.: ИЭА РАН, 2003.

Тишков В.А. Канада 70-х годов // Новая и новейшая история. 1980. № 1. С. 139–153.

Тишков В.А. Национальная идея России. Российский народ и его идентичность. М.: АСТ, 2021.

Тишков В.А. О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народо-ведоу Андрею Владимировичу Головнёву) // Этнография. 2023. № 1 (19). С. 6–25. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-1\(19\)-6-25](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-1(19)-6-25)

- Тишков В.А. Политика цифр в переписи населения 2002 года // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. 2001. № 40. С. 288–302.
- Тишков В.А. Уроки переписи // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. 2002. № 45.
- Тишков В.А., Кисриев Э.Ф. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 96–115.
- Тишков В.А., Кошелев Л.В. История Канады. М.: Мысль, 1982.
- Тишков В.А., Степанов В.В. Российская перепись 2002 года в этническом измерении // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад 2003 г. Сети этнологического мониторинга / Под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой. М.: ИЭА РАН, 2004. С. 37–47.
- Тренин Д.В. Кто мы, где мы, за что мы – и почему // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20 (3). С. 32–42.
- Филиппова Е., Арель Д., Гусеф К. (ред.) Этнография переписи – 2002. М.: ОАО “Авиаиздат”, 2003.
- Хирш Ф. Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: НЛЮ, 2022.
- Alesina A., La Ferrara E. Ethnic Diversity and Economic Performance // Journal of Economic Literature. 2005. Vol. 43 (3). P. 762–800.
- Alonso W., Starr P. (eds.). The Politics of Numbers. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1987.
- Blum A., Gousseff C. Nationalité, Groupes Ethniques, Peuples: La Représentation des Nationalités en Russie // Anciennes et Nouvelles Minorités / Dir. J.-L. Rallu, Y. Courbage, V. Piché. Paris: Editions John Libbey, 1997. P. 49–72.
- Caballero C., Puthussery S., Edwards R. Parenting “Mixed” Children: Negotiating Difference and Belonging in Mixed Race, Ethnicity and Faith Families. York: The Joseph Rowntree Foundation, 2008.
- Chandra K. (ed.) Constructivist Theories of Ethnic Politics. N.Y.: Oxford University Press, 2012.
- Chandra K. What is Ethnic Identity and Does It Matter? // Annual Review of Political Science. 2006. Vol. 9. P. 397–424. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.062404.170715>
- Easterly W., Levine R.E. Africa’s Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions // SSRN. 18.05.1998. <https://ssrn.com/abstract=88828>
- Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley: California University Press, 1985.
- Kertzer D., Arel D. (eds.) Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Luiz J.M. The Impact of Ethno-Linguistic Fractionalization on Cultural Measures: Dynamics, Endogeneity and Modernization // Journal of International Business Studies. 2015. Vol. 46 (9). P. 1080–1098. <https://doi.org/10.1057/jibs.2015.6>
- Millrine M., Vjic S. Revisiting Easterly and Levine (1997): Replication and extension // Working Papers 2017007, University of Antwerp, Faculty of Business and Economics. 2017. <https://ideas.repec.org/p/ant/wpaper/2017007.html>
- Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N.Y.: Columbia University Press, 1981.
- Sokolovskii S., Tishkov V. Ethnicity // Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology / Eds. A. Barnard, J. Spencer. L. Routledge, 2002. P. 290–295.
- Wimmer A. Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks. N.Y.: Oxford University Press, 2013.

Research Article

Tishkov, V.A. Counting the Peoples or Deconstructing Population Censuses [O perepisyvanii narodov, ili dekonstruktsiia perepisei naseleniia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 4, pp. 183–211. <https://doi.org/10.31857/S0869541523040085> EDN: HJKIZH ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Valery Tishkov | <https://orcid.org/0000-0001-5479-9039> | valerytishkov@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

constructivism vs primordialism, population census, nationality, ethnicity, multiply identity, Russia, Great Britain, Canada, Poland

Abstract

By taking the approach of social constructivism, I examine the practices and experience of conducting population censuses in various countries as well as the outcomes of the 2020–2021 Census in Russia. I make suggestions about the principles of census organization in regard to recording information on ethnicity, nationality, and language, and draw attention to problems and complications in the so-called roster of peoples of Russia. I further advance propositions and recommendations on surveying and studying the ethnic composition of the population and make theoretical arguments about the nature of ethnicity and how social constructivism helps to understand better its primordial ties.

References

- Alesina, A., and E. La Ferrara. 2005. Ethnic Diversity and Economic Performance. *Journal of Economic Literature* 43 (3): 762–800.
- Alonso, W., and P. Starr, eds. 1987. *The Politics of Numbers*. New York: Russell Sage Foundation, 1987.
- Bantsekin, N.B., and V.A. Tishkov. 1979. Kvebek na pereput'e [Quebec at a Crossroads]. In *Kanada na poroge 1980-kh godov. Ekonomika i politika* [Canada is on the Threshold of the 1980s: Economics and Politics], edited by L.A. Bagramov, 231–258. Moscow: Nauka.
- Blum, A., and C. Gousseff. 1997. Nationalité, Groupes Ethniques, Peuples: La Représentation des Nationalités en Russie [Nationality, Ethnic Groups, People: Representation of Nationalities in Russia]. In *Anciennes et Nouvelles Minorités* [Old and New Minorities], edited by J.-L. Rallu, Y. Courbage, and V. Piché, 49–72. Paris: Editions John Libbey.
- Brubaker, R. 2012. *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity Without Groups]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Bublikov, V.V., and A.A. Tkachev. 2022. Naselenie s mnozhestvennoi etnichnost'iu (natsional'nost'iu) i prognoz ego fiksatsii v khode Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2021 g. [Population with Multiple Ethnicity and the Forecast of Its Recording during Population Census of Russia 2021]. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie* 8 (1): 95–107. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-8>
- Caballero, C., S. Puthussery, and R. Edwards. 2008. *Parenting "Mixed" Children: Negotiating Difference and Belonging in Mixed Race, Ethnicity and Faith Families*. York: The Joseph Rowntree Foundation.
- Chandra, K. 2006. What is Ethnic Identity and Does It Matter? *Annual Review of Political Science* 9: 397–424. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.062404.170715>

- Chandra, K., ed. 2012. *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. New York: Oxford University Press.
- Easterly, W., and R.E. Levine. 1998. Africa's Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions. *SSRN*. <https://ssrn.com/abstract=88828>
- Filippova, E., D. Arel, and K. Gusef, eds. 2003. *Etnografiia perepisi – 2002* [Ethnography of Census – 2002]. Moscow: OAO "Aviaizdat".
- Hirsch, F. 2005. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press.
- Hirsch, F. 2022. *Imperiia natsii: etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soiuza* [Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union]. Moscow: NLO.
- Horowitz, D. 1985. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: California University Press.
- Kertzer, D., and D. Arel, eds. 2001. *Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Luiz, J.M. 2015. The Impact of Ethno-Linguistic Fractionalization on Cultural Measures: Dynamics, Endogeneity and Modernization. *Journal of International Business Studies* 46 (9): 1080–1098. <https://doi.org/10.1057/jibs.2015.6>
- Martynova, M.Y., and V.V. Stepanov, eds. 2019. *Izmerenie kul'turnogo mnogoobrazii. Yazykovaia situatsiia, perepisi, polevaia etnostatistika* [Measuring Cultural Diversity: Language Situation, Census, Field Ethnostatistics]. Moscow: IEA RAN.
- Millrine, M., and S. Vijic. 2017. Revisiting Easterly and Levine (1997): Replication and extension. *Working Papers 2017007, University of Antwerp, Faculty of Business and Economics*. <https://ideas.repec.org/p/ant/wpaper/2017007.html>
- Pimenov, V.V., ed. 2007. *Osnovy etnologii: uchebnoe posobie* [Fundamentals of Ethnology: A Textbook]. Moscow: Izdatel'stvo MGU.
- Rothschild, J. 1981. *Ethnopolitics: A Conceptual Framework*. New York: Columbia University Press.
- Sokolovskii, S., and V. Tishkov. 2002. Ethnicity. In *Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology*, edited by A. Barnard and J. Spencer, 290–295. London: Routledge.
- Stelmakh, V.G., V.A. Tishkov, and S.V. Cheshko. 1990. *Tropoiu slez i nadezhd. Kniga o sovremennykh indeitsakh SShA i Kanady* [A Path of Tears and Hopes: A Book about Modern Indians of the USA and Canada]. Moscow: Mysl'.
- Stepanov, V.V. 2019. *Izmerenie kul'turnogo mnogoobrazii Rossii* [Measuring the Cultural Diversity of Russia]. In *Izmerenie kul'turnogo mnogoobrazii. Yazykovaia situatsiia, perepisi, polevaia etnostatistika* [Measuring Cultural Diversity: Language Situation, Censuses, Field Ethnic Statistics], edited by M.Y. Martynova and V.V. Stepanov, 140–154. Moscow: IEA RAN.
- Tishkov, V.A. 1980. Kanada 70-kh godov [Canada of the 70s]. *Novaia i noveishaia istoriia* 1: 139–153.
- Tishkov, V.A. 2001. Politika tsifr v perepisi naseleniia 2002 goda [The Politics of Numbers in the 2002 Census]. *Set' etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniia konfliktov. Biulleten'* 40: 288–302.
- Tishkov, V.A. 2002. Uroki perepisi [Census Lessons]. *Set' etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniia konfliktov* 45. Moscow.
- Tishkov, V.A. 2003. *Istoriko-antropologicheskii analiz perepisi naseleniia* [Historical and Anthropological Analysis of the Population Census]. M.: IEA RAN.
- Tishkov, V.A. 2021. *Natsional'naia ideia Rossii. Rossiiskii narod i ego identichnost'* [The National Idea of Russia: The Russian People and Their Identity]. Moscow: AST.
- Tishkov, V.A. 2023. O primirenii konstruktivizma i primordializma (ommazh narodovedu Andreiu Vladimirovichu Golovnevu) [On Reconciling Constructivism

- and Primordialism: Tribute to Andrei Vladimirovich Golovnev]. *Etnografiia* 1 (19): 6–25. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-1\(19\)-6-25](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-1(19)-6-25)
- Tishkov, V.A., and E.F. Kisriev. 2007. Mnozhestvennye identichnosti mezhdu teoriei i politikoi (primer Dagestana) [Multiple Identities Between Theory and Politics (the Case of Dagestan)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 96–115.
- Tishkov, V.A., and L.V. Koshelev. 1982. *Istoriia Kanady* [History of Canada]. Moscow: Mysl'.
- Tishkov, V.A., and V.V. Stepanov. 2004. Rossiiskaia perepis' 2002 goda v etnicheskom izmerenii [The 2002 Russian Census in Ethnic Dimension]. In *Mezhetnicheskie otnosheniia i konflikty v postsovetskikh gosudarstvakh. Ezhegodnyi doklad 2003 g. Seti etnologicheskogo monitoringa* [Interethnic Relations and Conflicts in Post-Soviet States: Annual Report 2003 Ethnological Monitoring Networks], edited by V.A. Tishkov and E.I. Filippova, 37–47. Moscow: IEA RAN.
- Trenin, D.V. 2022. Kto my, gde my, za chto my – i pochemu [Who Are We, Where Are We, What Are We for – and Why]. *Rossiiia v global'noi politike* 20 (3): 32–42. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-3-32-42>
- Varshaver, E.A. 2022. V lovushke dvoinoi irrelevantnosti: (vos)proizvodstvo etnichnosti vo vzaimodeistviiakh mezhdu perepischikami i perepisyvaemymi v khode vs Rossiiskoi perepisi 2021 g. v Dagestane [Trapped in Double-Irrelevancy: (Re)-Production of Ethnicity in Interactions between Census-Takers and Their Respondents Based on Results of Observations during 2021 All-Russian Census in Dagestan]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 4: 199–221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150>
- Wimmer, A. 2013. *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. New York: Oxford University Press.